

УДК 327

EDN: EHDVOV

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran52024115126>

РОЛЬ СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В ИЗЛОЖЕНИИ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Евгений Сергеевич Панков

МГИМО МИД России, Москва, Россия,
e-mail: pankovv.eug@gmail.com, ORCID: 0009-0003-6889-9083

Ссылка для цитирования: Панков Е.С. Роль СССР во Второй мировой войне в изложении школьных учебников Великобритании // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2024. № 5. С. 115–126. DOI: 10.15211/vestnikieran52024115126

***Аннотация.** В статье анализируется отображение роли СССР во Второй мировой войне в британских школьных учебниках истории. Приоритетное внимание уделено дипломатической борьбе великих держав в предвоенный период, периоду «коренного перелома» и общей оценке вклада советского народа в победу над странами «оси». Цель работы – определить сюжеты, для которых характерен консенсус авторов учебных пособий, и события, вызывающие разногласия историков. В основе исследования лежит качественный контент-анализ содержания десяти учебников, опубликованных после 2000 г., с использованием сравнительного метода. Сделан вывод о том, что для отображения роли СССР в войне характерна двойственность: с одной стороны, Советский Союз рассматривается как государство Антигитлеровской коалиции, внёсшее решающий вклад в победу; с другой – как олицетворение тоталитаризма, борьбу с которым Великобритания вела на протяжении всего XX в. Сюжеты, не укладывающиеся в эти рамки, в учебниках не отображаются. В контексте провала политики «умиротворения» авторы учебников ставят вопрос и о роли советской дипломатии в развязывании конфликта – здесь спектр позиций гораздо многообразнее. Данное исследование является первой попыткой сопоставительного анализа содержания британских учебников истории на фоне разворачивающихся «войн памяти» между Россией и Западом. Практическая значимость работы – формирование аналитической основы для определения перспективных областей сближения Москвы и Лондона при потенциальном переходе к совместному преодолению «исторических травм».*

***Ключевые слова:** политика памяти, учебник, войны памяти, Великобритания, Вторая мировая война, политика «умиротворения», «коренной перелом», использование истории, исторический нарратив.*

Статья поступила: 17.09.2024; после доработки 29.10.2024; принята к печати: 31.10.2024.

THE ROLE OF THE SOVIET UNION IN THE SECOND WORLD WAR IN BRITISH HISTORY TEXTBOOKS

Evgeni S. Pankov

MGIMO University, Moscow, Russia,
e-mail: panckovv.eug@gmail.com, ORCID: 0009-0003-6889-9083

To cite this article: Pankov, E.S. (2024). The role of the Soviet Union in the Second World War in British history textbooks. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN* 41(5): 115–126. (in Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran52024115126

Abstract. *The article analyzes the representation of the role of the USSR in World War II in British history textbooks: what is underscored is the great powers' diplomatic rivalry in the pre-war period; the «turning point» in the war; the general assessment of the Soviet people's contribution to the victory. The aim of the study is to identify the subjects that are characterized by consensus among the authors of textbooks and the events that cause disagreement among them. The study is based on a qualitative content analysis of ten textbooks published after 2000, using the comparative method. The article concludes that the representation of the role of the USSR in the war is characterized by duality: on the one hand, the Soviet Union is seen as a member of the Anti-Hitler Coalition that made a decisive contribution to the victory; on the other hand, it is seen as the embodiment of totalitarianism, which Britain fought against throughout the 20th century. At the same time, events that contradict this duality are not shown in textbooks. In this connection, without denying the contribution of the Soviet people to the defeat of Hitler's troops, the authors of textbooks raise the question of the role of Soviet diplomacy in unleashing the conflict – here the range of positions is much more diverse. It is the first attempt to comparatively analyze the content of British history textbooks in the context of the unfolding «memory wars» between Russia and the West. In this regard, the practical usefulness of the work consists in the possibility to apply its results in identifying potential areas of rapprochement between Moscow and London for overcoming «historical traumas».*

Key words: *memory politics, textbook, memory wars, Great Britain, World War II, appeasement, turning point, use of history, historical narrative.*

Article received: 17.09.2024; revised: 29.10.2024; accepted: 31.10.2024.

Противостояние в сфере политики памяти является одним из измерений современной конфронтации России и стран НАТО. Стороны регулярно обвиняют друг друга в искажённой интерпретации исторических событий, что послужило основанием для появления в научно-исследовательском лексиконе термина «войны памяти» (Асеев, Шишков 2020). В числе государств, противостоящих России в сфере политики памяти, находится Великобритания. Как отмечает отечественный англовед Ал.А. Громыко, «среди опорных представлений, которые влияют на формирование образа России в Великобритании, связка СССР – Россия занимает видное место» (Громыко 2008: 15–16). Оценка британцами исторического наследия Советского Союза и его роли в международных процессах XX в. напрямую влияет на восприятие имиджа современной России и общее состояние российско-британских отношений.

Проблематика осмысления исторических событий в учебниках западных стран рассмат-

ривалась в исследованиях В.И. Журавлёвой и И.И. Куриллы (Журавлёва, Курилла 2009). Особенности исторического образования в Великобритании изучены в работе М.В. Реймер и Г.В. Завады (Реймер, Завада 2019), в других странах Запада – в статье И.М. Савельевой (Савельева 2006). Однако в работах отечественных учёных до сих пор не уделялось внимания отображению Второй мировой войны в школьных учебниках Великобритании. Тем не менее исследование содержания образовательных материалов может быть полезно по ряду причин.

Во-первых, в демократических государствах они олицетворяют своеобразный канон – консенсусный подход к рассмотрению наиболее важных событий, отражающий баланс точек зрения различных общественных сил; во-вторых, в них видна позиция государства как спонсора образовательного процесса и агента конструирования национальной идентичности, заинтересованного в формировании унифицированных представлений о прошлом (Anderson 1983: 201–202) (однако нужно иметь в виду, что в британском случае государство не является непосредственным «автором» учебника, поскольку определяет лишь рамочные условия процесса исторического образования); в-третьих, исследование их содержания имеет практическое значение: позволяя, с одной стороны, определить проблемные вопросы, обладающие конфликтным потенциалом для двусторонних отношений, с другой – обнаружить те события и явления прошлого, которые позволяют сблизить позиции тех или иных государств в современном пространстве политики памяти. Наконец, в-четвёртых, такие исследования имеют некоторый прогностический потенциал: по школьным учебникам изучают историю как представители будущей политической элиты Великобритании, так и их избиратели.

Соответственно, цель данного исследования состоит в том, чтобы охарактеризовать спектр интерпретаций событий Второй мировой войны в школьных учебниках Великобритании: выделить проблемы, в отношении которых сформировался устойчивый консенсус, а также сюжеты, провоцирующие заметные разногласия.

Ввиду того что пространство интерпретации событий Второй мировой войны в Великобритании не гомогенно и обширно, необходимо определить наиболее важные сюжеты. К «узловым» нарративам, охватывающим наиболее спорные в контексте российско-британских отношений явления, относятся: 1) предвоенная дипломатическая борьба (политика «умиротворения»; трёхсторонние переговоры Лондона, Парижа и Москвы; «Пакт Молотова – Риббентропа»); 2) этап «коренного перелома» (Сталинградская битва, Битва при Эль-Аламейне, Сражение у атолла Мидуэй); 3) общая оценка вклада СССР в победу.

На протяжении большей части XX в. преподаватели истории в Великобритании обладали значительной свободой в выборе тем и событий для обсуждения в классе, однако в 1988 г. правительство консерваторов разработало Закон об образовательной реформе и приняло решение о внедрении Общенационального стандарта изучения истории (Haydn 2012: 8). Позже М. Тэтчер вспоминала, что именно в отношении курса истории «битва по поводу общенационального образовательного стандарта была самой тяжёлой» (Thatcher 1993: 595).

В настоящее время в стране действует стандарт, принятый в 2014 г.: он регламентирует содержание образовательных программ по истории в школах, чья деятельность финансируется государством. Несмотря на рамочный характер этих планов, прослеживается долговременная тенденция в направлении их конкретизации и усиления влияния государства на содержание образовательной дисциплины (Harris, Burn 2016: 3). Ввиду того что в Великобритании нет единого утверждённого государством учебника истории, изучение содержания образовательных материалов само по себе накладывает ограничения на результаты любого исследования: невозможно проанализировать разнородный ландшафт интерпретаций и мнений во всей его полноте. Тем не менее имеющихся данных достаточно, чтобы сформировать общее пред-

ставление о ключевых тенденциях в сфере политики памяти (Foster, Karayianni 2017: 318).

Государственный образовательный стандарт не содержит никакого списка рекомендованных изданий – при выборе учебников школы сохраняют широкую свободу выбора (National curriculum... 2013). В условиях свободной конкуренции на этом рынке доминируют крупные издательские дома: *Oxford University Press, Hodder Education, Collins, CGP, Pearson* (Best Sellers... 2024). При этом корпорация *Pearson* владеет компанией *Edexcel* – это крупнейшая экзаменационная комиссия Великобритании, которая осуществляет подготовку и проведение экзаменов, в том числе по истории (Should Pearson... 2012). Подготовленные этими издательствами пособия и вошли в подборку для анализа: десять учебных пособий, опубликованных в период с 2001 по 2020 г., и ещё одна работа, изданная в 1990 г. Все они предназначены для подготовки к государственным экзаменам. Одна работа посвящена непосредственно истории СССР в 1924–1953 гг. – поэтому обстоятельства Второй мировой войны рассмотрены там более подробно (Taylor 2017).

Среди авторов девяти учебников историки¹, которые специализируются на подготовке образовательных материалов общего характера по разным темам национальной и всеобщей истории и/или принимают участие в разработке образовательных стандартов и экзаменационных материалов. Их профессиональная деятельность связана в большей степени с преподаванием в школе и методической работой, нежели с проведением академических исследований в конкретной области. Двое² специализируются на исследованиях истории Британской империи и колониализма. Это соответствует государственному вектору образовательной политики, направленному на придание первостепенной важности проблемам колониализма (History programmes of study... 2013). Никто из них не делал каких-либо резонансных заявлений по спорным вопросам истории международных отношений, рассмотренным в данной статье.

В обобщённом виде результаты исследования представлены в Приложении.

Начало войны

Начальный этап Второй мировой войны и предшествовавшая ему дипломатическая борьба рассматриваются во всех включённых в подборку учебниках, при этом данному периоду уделяется особое внимание. Подробно анализируются причины провала политики «умиротворения» (её отображение также тесно связано с рассмотрением роли советской дипломатии в предвоенный период) и трёхсторонних переговоров СССР, Франции и Великобритании летом 1939 г., даётся оценка мотивации И.В. Сталина и А. Гитлера при заключении Договора о ненападении в августе 1939 г.

Политика «умиротворения», проводившаяся в 1930-х гг. правительством Н. Чемберлена, является одним из наиболее травмирующих сюжетов британской истории, последствия которого прослеживаются в политической жизни страны до сих пор (Капитонова 2018). Именно поэтому в учебниках эта проблема освещается подробно и с разных сторон. Часто авторы предлагают читателям представить себя на месте Чемберлена, а иногда даже адвоката Гитлера: один из доводов защиты состоит в том, что Великобритания и Франция не сопротивлялись устремлениям Берлина, когда это было объективно необходимо (Walsh 2002: 135). При этом все авторы единодушно рассматривают политику Чемберлена как неудачную, оставляя для дискуссий вопрос о том, когда именно была пройдена «точка невозврата».

Заметные разногласия среди авторов проявляются, когда они отвечают на вопрос о том, действительно ли Чемберлен «направлял» агрессию Гитлера на восток. С одной стороны,

¹ Р. Банс, Д. Бэнхем, Л. Галлахер, Д. Никол, М. Робертс, А. Тодд, А. Уилкис, Б. Уолш, А. Фармер.

² Дж. Алдред и Ш. Лэнг.

А. Фармер категорически отрицает такой подход: «Чемберлен никогда не проводил такой политики, хотя, ради интересов страны, возможно, и следовало бы действовать наоборот» (Farmer 2010: 108). С другой стороны, наряду с упоминанием противоположной точки зрения, некоторыми авторами подчёркивается и тот факт, что каждый случай сближения Чемберлена с Гитлером порождает всё большее недоверие к Лондону со стороны СССР и одновременно снижал вероятность распространения агрессии на запад (Walsh 2001: 271).

Помимо этого, заметные расхождения вызывает и вопрос о том, была ли у Чемберлена реальная альтернатива такой политике. В этой связи известное Мюнхенское соглашение 1938 г. рассматривается преимущественно как неприятный, но вынужденный, безальтернативный шаг правительства (Walsh 2001: 264).

Обращает на себя внимание и высокий уровень «персонализации» политики «умиротворения» в интерпретации авторов: ключевые дипломатические решения в тексте пособий связываются лишь с именем премьер-министра, хотя, как убедительно показала Н.К. Капитонова, «политика “умиротворения” не была детищем одного Чемберлена», а стала результатом кропотливого согласования позиций целого ряда видных деятелей Консервативной партии (Капитонова 2018: 188).

Особого внимания заслуживает интерпретация политики «умиротворения», предложенная в учебнике Фармера. Обосновывая низкую популярность уступок Гитлеру среди широких масс британцев, историк обращает внимание: «В 1939 г. в терроре и массовых убийствах Сталин значительно превзошёл Гитлера. Однако сталинский террор был скрытым, игнорировался или оправдывался теми, кто предпочитал фашизму коммунизм. Даже те, кто в равной мере испытывал отвращение и к тому, и к другому, были больше обеспокоены действиями гитлеровской Германии, нежели сталинского СССР» (Farmer 2010: 106–107).

Такой подход исследователя граничит с предложенной ещё в 1980-е гг. ревизионистской концепцией «каузальной взаимозависимости» Э. Нольте, который предлагал рассматривать германский национал-социализм как следствие репрессивной политики советских коммунистов – как реакцию на «азиатские деяния» большевиков. Поставленный историком вопрос «не предшествовал ли Освенциму Архипелаг ГУЛАГ?» вызвал бурную дискуссию на страницах западногерманской печати (т.н. спор историков второй половины 1980-х гг.), однако подход Нольте был признан маргинальным и неисторичным (Борозняк 2014: 159).

Безусловно, Фармер напрямую не солидаризируется с Нольте, однако попытки рассматривать международно-политическое взаимодействие второй половины 1930-х гг. в увязке с «тоталитарной природой» режимов сами по себе чреватые стремлением возложить вину за развязывание конфликта на СССР и, как следствие, поставить под сомнение основы послевоенного урегулирования. Анализируя отсутствие взаимных гарантий безопасности между Москвой, Лондоном, Парижем и Варшавой, Фармер делает вывод: «Кажется, СССР не хотел заключать союз с западными государствами» (Farmer 2010: 110). Инициативы наркома иностранных дел М.М. Литвинова о формировании в Европе системы коллективной безопасности в книге не упоминаются.

Аналогичные тенденции проявляются и в учебнике Д. Бенхэма и А. Лаффа, где одна из глав называется «Сравнение диктатур: насколько похожи были Сталин и Гитлер» (Banham 2009: 106).

Тем не менее гораздо более популярным является сбалансированный подход к рассмотрению причин провала политики «умиротворения агрессоров» и позиции Москвы в отношении сотрудничества с западными партнёрами. Большинство авторов говорят об отсутствии конструктивного наполнения переговоров с Москвой не только из-за идеологических проти-

воречий, но и из-за недостатка политической воли правительств Великобритании и Франции. В некоторых случаях в этой связи приводится популярный и в советской историографии нарратив – летом 1939 г. британская делегация отправлялась на переговоры в Москву не на самолёте, а на корабле, оттягивая само их начало (Farmer 2010: 110).

В отношении Договора о ненападении между СССР и Германией прослеживается безальтернативный консенсус: все авторы учебников считают, что 23 августа 1939 г. в Москве был согласован раздел Польши; никто из них не отрицает наличия у договора секретных приложений, определяющих границы сфер влияния Берлина и Москвы в Европе. Эти договорённости, по мнению британских авторов, и были реализованы в сентябре, когда войска Третьего рейха вошли на территорию государства с Запада, а Советского Союза – с Востока.

При этом ни в одной из книг не высказывается мнение о том, что Красная Армия пересекла советско-польскую границу, когда польское правительство уже утратило контроль над армией и ситуацией в стране, о чём неоднократно заявляло российское политическое руководство (Путин объяснил подписание... 2019). Таким образом, авторы пособий не разделяют его подход – в этом вопросе позиции Москвы и авторов британских учебников крайне далеки друг от друга. Фактически в действиях СССР и Германии в отношении Польши не обозначается никаких различий, однако ответственность за развязывание войны на Москву при этом не возлагается.

Тем не менее в большинстве пособий подписание Договора рассматривается как вынужденный шаг советской дипломатии; при этом отмечается недоверие, с которым советское руководство относилось к заявлениям Гитлера (Farmer 2010: 142; Walsh 2002: 133; Todd 2001: 82). Наиболее характерна в этой связи оценка Б. Уолша: «Для Сталина этот пакт не был идеальным, но это был наилучший вариант из всех возможных» (Walsh 2002: 133). В таких оценках прослеживается схожесть с подходом исследователей к объяснению мотивов политики «умиротворения», которая тоже описывается как вынужденная – «наименьшее из зол».

Действия советской дипломатии в конце августа 1939 г. рассматриваются как проявление *Realpolitik*, а сам пакт – как «альянс по расчёту» (Farmer 2010: 142) или «союз без доверия» (Walsh 2002: 132). Примечательно, что лишь один автор считает, что Сталин действительно верил обещаниям Гитлера и воспринимал пакт как реальную гарантию безопасности (Nichol 1990: 65).

Такой подход британских историков полностью соответствует современной официальной позиции российского руководства. В 2020 г. в программной статье президент В.В. Путин обращал внимание на отсутствие у советской дипломатии каких-либо альтернатив пакту: «[Советские руководители] видели, что Советский Союз пытаются оставить один на один с Германией и её союзниками, и действовали, осознавая эту реальную опасность, чтобы выиграть драгоценное время для укрепления обороны страны» (Путин 2020).

Этап «коренного перелома»

Авторы рассматриваемых учебников напрямую не относят Битву за Москву к этапу «коренного перелома», однако подчёркивают важность этого события для провала гитлеровского плана «молниеносной войны» и последующего изменения её динамики. Любопытно, что среди причин этого наиболее часто упоминается климатический фактор. Типичной является следующая формулировка: «В 1941 г. Гитлер вторгся в Советский Союз. Немецкие войска действовали очень успешно – они уничтожили почти все танки и самолёты Красной Армии и убили два миллиона советских солдат. Однако суровая зима замедлила их продвижение» (Walsh 2002: 146). Таким образом, миф о «генерале Морозе» получает отражение в образовательной

среде и рискует закрепиться в сознании тех, кто не планирует заниматься изучением истории профессионально. Лишь в двух работах авторы – наряду с холодной зимой – упоминают героизм советских солдат (Taylor 2017: 94; Farmer 2010: 143). При этом одна из этих двух книг напрямую посвящена истории Советского Союза в 1924–1953 гг. В ней же уделено внимание профессионализму высшего военного руководства СССР и принятым осенью – зимой 1941 г. политическим решениям (Farmer 2010: 90–92). Помимо этого, подчёркивается и важность материально-технической помощи, которую оказали советским войскам союзники по Антигитлеровской коалиции (Farmer 2010: 95; Walsh 2001: 286).

В отношении непосредственно концепции «коренного перелома» прослеживается сбалансированность взглядов авторов между двумя подходами, выделяющимися в историографии данного периода с середины XX в. и до настоящего времени: с одной стороны, ряд исследователей (преимущественно отечественных) делает вывод о решающем значении побед советских войск под Сталинградом и Курском; с другой – западные исследователи часто подчёркивают роль британских и американских войск, иногда даже и вовсе не упоминая Сталинградскую и Курскую битвы при рассмотрении этапа «коренного перелома» (Данилов 2014: 34–35).

Авторы же рассматриваемых учебников чаще всего упоминают Сталинград в качестве наиболее важного сражения, изменившего динамику конфликта, при этом уделяя внимание и другим событиям: Курской битве и второму сражению при Эль-Аламейне. Наиболее ярким отражением сбалансированности интерпретаций является работа Бенхэма и Лаффа, где школьникам предлагается самостоятельно ответить на вопрос о том, когда в войне произошёл «поворот против Гитлера и его союзников», с опорой на краткие описания крупных битв войны. Затем сами авторы, намекая на один из возможных ответов, предлагают вниманию читателей развёрнутые аргументы за и против определяющего значения высадки союзников в Нормандии – именно это событие становится центральным при дальнейшем анализе «поворотного момента» в войне (Banham, Luff 2009: 74–77).

Интересно, что нескрываемое стремление вписать Великобританию в нарратив «коренного перелома» привело к тому, что в качестве его составляющего элемента некоторые авторы предлагают рассматривать Битву за Британию 1940 г. Уолш в двух работах 2001 и 2002 гг., признавая дискуссионный характер этой идеи, предлагает школьникам порассуждать о её обоснованности (Walsh 2001: 283; Walsh 2002: 140). Сталинград в тексте учебника не упоминается, но подчёркивается решающий вклад СССР в победу: «Большинство историков сходятся во мнении, что это был самый важный фронт Второй мировой войны» (Walsh 2002: 146).

Таким образом, в стремлении автора поставить вопрос об изменении хронологических рамок этапа «коренного перелома» прослеживается естественное для учебника истории желание подчеркнуть вклад собственного народа в важное историческое событие. На соответствующие тенденции в историографии обращал внимание отечественный историк И.Э. Магадеев: разные страновые школы изучения истории Второй мировой войны стремятся «расширять» или «сужать» хронологические границы «коренного перелома», делая акцент на действиях своего государства (Магадеев 2021: 15–16). Фактически этот пример иллюстрирует рассуждения классиков конструктивистского направления в исследовании национализма о том, что одним из ключевых инструментов нацистроительства является формирование объединяющего исторического мифа, основанного на гордости за действия предков, нередко преувеличенной.

В этой связи стоит заметить, что авторы учебников, считающие сражение при Эль-Аламейне составным элементом «коренного перелома» в войне, непременно приравнивают его к

Сталинградской битве, подчёркивая исключительную важность обоих событий (Wilkes 2020: 109; Nichol, Lang 1990: 68). Интересно, что ни в одном из пособий не упоминается крайне важный для истории советско-британских отношений символический сюжет: состоявшееся в Тегеране торжественное вручение меча, который передал Сталинграду король Георг VI, восхищённый героическим подвигом города.

Вклад СССР в победу

Среди авторов рассмотренных учебников прослеживается консенсус по вопросу о вкладе СССР в победу. Никто из исследователей не оспаривает мнение о том, что события на восточном фронте имели решающее и определяющее значение для исхода конфликта. При этом подчёркивается и роль союзников, осуществлявших поставки снаряжения, боеприпасов и гуманитарных грузов в СССР.

Как правило, тезис о значительном вкладе советского народа в разгром нацизма сопровождается демонстрацией графиков, отображающих численность личного состава на фронтах Второй мировой войны, с многократным превосходством количества войск на советско-германском фронте. Приводятся в этой связи и слова У. Черчилля о том, что осенью 1941 г. было не столь важно, где проходит этот фронт, сколько сам факт его существования (Farmer 2010: 143). К слову, и по другим вопросам признаки заложенной Черчиллем историографической традиции – клише и риторические обороты из его воспоминаний и выступлений – прослеживаются довольно ярко: например, известное словосочетание «звёздный час» (англ. *the finest hour*).

Относительно вклада СССР, например, заявляется, что «в 1941 г. характер войны изменился кардинальным образом» (Roberts 2001: 206), а также приводятся слова авторитетного историка Р. Овери, ответственного редактора «Оксфордской истории Второй мировой войны»: «Едва ли кто-то из историков оспаривает сейчас тот факт, что восточный фронт имел приоритетную важность во Второй мировой войне. Советская система смогла организовать масштабные военные усилия, которые сначала ослабили, а потом обратили вспять стремление Германии к победе» (Walsh 2001: 286).

Расширение сферы влияния СССР после войны рассматривается в связи с внесённым им вкладом в победу. В этом контексте утверждается, что Сталин претендовал на установление контроля над Восточной Европой ввиду беспрецедентного ущерба, который был нанесён Советскому Союзу во время войны.

Примечательно, что дипломатическое противостояние советской и британской дипломатии в процессе послевоенного урегулирования рассматривается всеми авторами как борьба тоталитаризма и демократии. В соответствии с доминирующим нарративом, Черчилль на переговорах выступал как поборник права наций на самоопределение и свободных выборов в Восточной Европе, а Сталин – как последователь классического реализма, мыслящий исключительно в категориях баланса сил на континенте. Так, например, в одном из пособий подробно описывается эмоциональная реакция британского премьер-министра на просьбу Сталина признать территориальные изменения в балтийском регионе – вхождение Эстонии, Латвии и Литвы в состав СССР. При этом ни в одном из учебников не упоминается «процентное соглашение» о разделе сфер влияния в Юго-Восточной Европе, заключённое сторонами в октябре 1944 г. – существование соответствующих договорённостей в мемуарах признавал и сам Черчилль (Черчилль 1991: 448–449).

* * *

Таким образом, британские авторы школьных учебников закономерно ставят собственную историю в центр большого нарратива о Второй мировой войне. При этом описания участия Великобритании в этой войне характерна определённая двойственность: с одной стороны, Лондон боролся против агрессоров в составе Антигитлеровской коалиции, с другой – будучи демократией, успешно противостоял тоталитарным режимам на протяжении всего XX в.

Из этой двойственности вытекает крайняя противоречивость образа СССР, заметная во всех рассмотренных учебниках. Безоговорочно признавая особый вклад советского народа в разгром тоталитарного режима Гитлера, британские историки ставят вопрос о роли самого СССР (тоже, как подчёркивается, тоталитарного режима) в развязывании мировой войны. При этом сюжеты, не укладывающиеся в задаваемые этой двойственностью рамки, обходятся вниманием и не упоминаются. Так, ни в одном из учебников не говорится о «процентном соглашении» Сталина и Черчилля, а также о том, что британский монарх передал Сталинграду наградной меч в знак восхищения мужеством советского народа. При анализе дипломатической борьбы 1930-х гг. обходят вниманием инициативы Литвинова о выстраивании в Европе системы коллективной безопасности.

«Пакт Молотова – Риббентропа» рассматривается в этой связи как неприемлемый, но вынужденный шаг советской дипломатии – общепринята позиция, что Сталин не доверял гарантиям Гитлера. Схожим образом подходят авторы учебников и к анализу политики «умиротворения», которую проводил британский премьер Чемберлен. В этой связи интерпретации мотивов заключения Пакта 1939 г. и Мюнхенского соглашения 1938 г. похожи.

Примечательно, что в результате проведённого анализа удалось выявить подходы, сближающие авторов учебников с официальной позицией Москвы. Среди них – признание решающего вклада СССР в победу во Второй мировой войне; согласие о том, что заключение Договора о ненападении в 1939 г. было вынужденной мерой; распространённое убеждение, что летом 1939 г. британская дипломатия не приложила должных усилий для формирования системы взаимной безопасности в Европе; рассмотрение Сталинградской битвы в качестве основного элемента «коренного перелома» в этой войне. Указанные «точки соприкосновения» могут стать основой сближения подходов Москвы и Лондона к интерпретации «травмирующих» нарративов.

Приложение

Обобщённые результаты исследования позиции авторов учебников по ключевым проблемам историографии Второй мировой войны*

1. «Пакт Молотова – Риббентропа»											
	(Roberts 2001)	(Walsh 2002)	(Wilkes 2020)	(Walsh 2001)	(Farmer 2010)	(Todd 2001)	(Nichol, Lang 1990)	(Banham, Luff 2009)	(Taylor 2017)	(Aldred, Waller 2014)	(Gallagher, Bunce, Kelly 2013)
Сталин не доверял Гитлеру и рассматривал Пакт как единственный способ оттянуть неизбежный конфликт		✓		✓	✓	✓					
Сталин доверял Гитлеру и рассматривал Пакт как надёжную гарантию ненападения							✓				
2. События августа – сентября 1939 г.											
СССР и Третий Рейх запланировали и осуществили раздел Польши	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓			✓	✓
СССР ввёл войска в Польшу после того, как правительство Польши фактически утратило контроль над армией											
3. «Коренной перелом» во Второй мировой войне											
Сталинградская битва	✓		✓	✓	✓		✓	✓	✓		
Курская битва				✓	✓			✓			
Эль-Аламейн			✓				✓	✓			
Битва за Британию (1940)		✓		✓							
Эль-Аламейн и Сталинград приравниваются			✓				✓				
Битва у атолла Мидуэй			✓	✓	✓		✓				
4. Причины замедления наступления Гитлера на восточном фронте осенью – зимой 1941 г.											
Холодная зима, климат		✓		✓			✓	✓	✓		
Героизм советских солдат					✓				✓		
Помощь союзников				✓					✓		
Профессионализм военного и политического руководства									✓		
5. Вклад СССР в победу											
Решающий/определяющий/большой	✓	✓		✓	✓				✓		
Незначительный											

* Примечание: «Галочка» означает, что автор учебника придерживается позиции, соответствующей заявленному в начале строки тезису. Отсутствие «галочки» означает, что автор учебника не выражает в нём позицию, соответствующую заявленному в начале строки тезису. Отсутствие «галочки» во всех строках, относящихся к определённой проблеме, означает, что автор учебника либо не освещает данную проблему (ни да, ни нет), либо для однозначного вывода о его позиции недостаточно данных.

Источник: составлено автором.

Список литературы / References

- Aldred, J., Waller, S. (2014). AQA History. A2, Unit 3: Aspects of International Relations, 1945–2004. London: Oxford University Press.
- Anderson, B. (1983). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso.
- Banham, D., Luff, I. (2009). *SHP History Year 9 Pupil's Book (Schools History Project)*. London: Hodder Education.
- Best Sellers in Historical Study & Teaching. Amazon. Available at: www.amazon.co.uk/Best-Sellers-Historical-Study-Teaching/zgbs/books/4119251 (accessed 26.10.2024).
- Farmer, A. (2010). *Access to History. British Foreign Affairs: Saving Europe at a cost? 1919–1960*. London: Hodder Education.
- Foster, S., Karayianni, E. (2017). Portrayals of the Holocaust in English history textbooks, 1991–2016: continuities, challenges and concerns. *Holocaust Studies* (3): 314–344.
- Gallagher, L., Bunce, R., Kelly, N. (2013). *Edexcel GCSE History A. The Making of the Modern World: Unit 1. International Relations: The Era of the Cold War, 1943–91 Student Book*. London: Hodder Education.
- Harris, R., Burn, K. (2016). English history teachers' views on what substantive content young people should be taught. *Journal of Curriculum Studies* (4): 518–546.
- Haydn, T. (2012). Longing for the past: politicians and the history curriculum in English schools, 1988–2010. *Journal of Education, Media, Memory and Society* (1): 7–25.
- History programmes of study: key stage 3. Department for Education. 09.2013. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5a7c66d740f0b626628abcdd/SECONDARY_national_curriculum_-_History.pdf (accessed 26.10.2024).
- National curriculum in England: history programmes of study. HM Government. 11.09.2013. Available at: www.gov.uk/government/publications/national-curriculum-in-england-history-programmes-of-study (accessed 25.10.2024).
- Nichol, J., Lang, S. (1990). *Work Out Modern World History: GCSE*. London: Red Globe Press London.
- Roberts, M. (2001). *Britain 1846–1964: The Challenge of Change*. London: Oxford University Press.
- Should Pearson, a giant multinational, be influencing our education policy? *The Guardian*. 16.07.2012. Available at: www.theguardian.com/education/2012/jul/16/pearson-multinational-influence-education-poliy (accessed 25.10.2024).
- Taylor, S. (2017). *Edexcel International GCSE (9–1): History Dictatorship and Conflict in the USSR, 1924–53. Student Book*. London: Pearson.
- Thatcher, M. (1993). *The Downing Street Years*. London: Harper & Collins Publishers.
- Todd, A. (2001). *GCSE Modern World History (Instant Revision)*. London: Collins.
- Walsh, B. (2001). *GCSE Modern World History*. London: Hodder Education.
- Walsh, B. (2002). *Essential Modern World History. Students' Book (History in Focus)*. London: Hodder Education.
- Wilkes, A. (2020). *KS3 History 4th Edition: Technology, War and Independence 1901–Present Day. Student Book*. London: Oxford University Press.
- Борозняк, А.И. (2014). Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. М.: Политическая энциклопедия. [Borozniak, A.I. (2014). *Cruel Memory. Nazi Reich in the Perception of Germans in the Second Half of the 20th and early 21st century*. Moscow: Political Encyclopedia. (In Russian)].

Асеев, А.Д., Шишков, В.В. (2020). Россия в «войнах памяти»: историческая политика в Восточной Европе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки (2): 9–23. [Aseev, A.D., Shishkov, V.V. (2020). Russia in the «memory wars»: historical policy in Eastern Europe. Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences (2): 9–23. (In Russian)].

Громько, Ал.А. (2008). Образы России и Великобритании: реальность и предрассудки. М.: ИЕ РАН. [Gromyko, Al.A. (2008). Images of Russia and Great Britain: Reality and Prejudice. Moscow: Institute of Europe, RAS. (In Russian)].

Данилов, В.Н. (2014). Коренной перелом в Великой Отечественной войне: подходы и суждения в историографии проблемы // Известия Саратовского университета. Сер. История. Международные отношения (2): 32–38. [Danilov, V.N. (2014). «Turning Point» in the Great Patriotic War: Approaches and Judgments in the Historiography of the Problem. Izvestiya of Saratov University. History. International relations (2): 32–38. (In Russian)].

Журавлёва, В.И., Курилла, И.И. (2009). Образы России на страницах американских школьных учебников истории XIX – начала XX века. Волгоград: Волгоградский государственный университет. [Zhuravlyova, V.I., Kurilla, I.I. (2009). Images of Russia on the pages of American school history textbooks of the 19th – early 20th century. Volgograd: Volgograd State University. (In Russian)].

Капитонова, Н.К. (2018). Невилл Чемберлен и политика «умиротворения» // Новая и новейшая история (4): 176–205. [Kapitonova, N.K. (2018). Neville Chamberlain and the policy of «appeasement». Modern and Contemporary History (4): 176–205. (In Russian)].

Магадеев, И.Э. (2021). «Коренной перелом» во Второй мировой войне: современные академические дискуссии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» (2): 10–21. [Magadeev, I.E. (2021) «Turning Point» in the Second World War: Current Academic Discussions. RSUHU Herald. Series «Political Science. History. International Relations» (2): 10–21. (In Russian)].

Путин объяснил подписание пакта Молотова-Риббентропа и раздел Польши. Интерфакс. 19.12.2019. [Putin explained the signing of the Molotov-Ribbentrop Pact and the partition of Poland. Interfax. 19.12.2019. (In Russian).] Available at: <https://www.interfax.ru/russia/688612> (accessed 03.08.2024).

Путин, В.В. (2020). 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим. Президент России. 19.06.2020. [Putin, V.V. (2020). 75 years of the Great Victory: common responsibility before history and the future. President of Russia. 19.06.2020. (In Russian)]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63527> (accessed 02.08.2024).

Реймер, М.В., Завада, Г.В. (2019). Особенности развития исторического образования в Великобритании // Проблемы современного педагогического образования (64): 168–171. [Reimer, M.V., Zavada, G.V. (2019). Features of the development of historical education in Great Britain. Problems of modern pedagogical education (64): 168-171. (In Russian)].

Савельева, И.М. (2006). Концептуальные проблемы современного исторического образования в Европе и США // Вопросы образования (4): 114–123. [Savelyeva, I.M. (2006). Conceptual problems of modern historical education in Europe and the USA. Educational studies (4): 114–123. (In Russian)].

Черчилль, У. (1991). Вторая мировая война (в 3 т.). Т. 3. М.: Воениздат. [Churchill, W. (1991). The Second World War (in 3 Vol.). Vol. 3. Moscow: Voenizdat. (In Russian)].